

ЗОЛОТАЯ ЭРА
ОТЕЧЕСТВЕННОГО ДЕТЕКТИВА

ЮЛИАН СЕМЕНОВ

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

МОСКВА 2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С30

Иллюстрация на обложке *Алексея Дурасова*

Семенов, Юлиан Семенович.
С30 Противостояние / Юлиан Семенов. — Москва :
Эксмо, 2021. — 384 с.

ISBN 978-5-04-122945-0

В окрестностях северного города обнаружен обезглавленный труп с отрубленными кистями рук. Оперативникам во главе с полковником Владиславом Костенко удается выяснить, что последний раз погибшего видели в такси, за рулем которого был мужчина, называвший себя Григорием Милинко. Фото этого таксиста показали матери Милинко. Но женщина сразу ответила, что это не ее сын. Во-первых, совсем не похож. А во-вторых, Григория уже давно нет в живых, он погиб в конце войны. Кто же скрывается под именем павшего бойца? Подсказка появляется, когда группа Костенко обнаруживает очередной изуродованный труп в мешке, завязанном узлом гитлеровских десантников...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-122945-0
© Семенов Ю.С., 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2021

...**В**есна в том году пришла в Магаран поздно, лишь в конце мая. Снег остался лишь в кюветах и оврагах, пожелтевший, мокрый. Те, кто возвращался с Черного моря — загорелые, под хмельком еще, — только диву давались, заново понимая суровость природы своего края.

Ехал в маршрутном такси прилетевший из Сочи и младший научный сотрудник Алексей Крабовский, известный в Магаране тем, что отпуск свой он проводил не как все нормальные люди — жарясь на пляже, забывая «козла», совершая поездки на Ахун и в абхазскую «пацху», — а совершенно по-своему. Впрочем, он вообще был человек особый: носил парик, ибо начал рано лысеть, выучил латынь, переводил на английский стихи Андрея Белого, разрабатывал теорию «антиэйнштейн» и по ночам, вдобавок ко всему, конструировал аппарат, который может определять золотые и серебряные клады на глубине до десяти метров. С этим своим аппаратом, который весил двенадцать килограммов, он объездил Армению, Бухарскую область, Псковщину, ничего, конечно, не нашел, но не отчаивался и нынешний свой отпуск провел в горах Грузии, спустился потом к морю, проскачал два дня на пляже и улетел обратно в Магаран.

Относился Леша Крабовский к тому типу людей, которых неудачи не озлобляют вовсе. Он подшучивал над собой, выбивая, таким образом, из рук сослуживцев грозное оружие подъялдыкивания, вел дневники своих путешествий, внес туда истории пяти задержаний милицией — заподозрили в нем шпиона, ночевать пришлось в отделении вместе с алкашами; записывал также диалоги — на пути его кладоискательства встречались люди самые неожиданные.

Диссертацию по эхолотам он защитил с блеском, и его научные руководители порадовались тому, как за последние три года в молодом ученом развилось качество, столь необходимое для исследователя, — невероятная моментальная, что ли, наблюдательность.

Крабовский, гуляючи по скверу с девушкой и рассуждая о материях отвлеченных (сослуживцы полагали, что он к своим тридцати годам не потерял еще целомудрия), мог неожиданно заметить, прощаясь с очередной платонической пассией:

— На кусте, слева от памятника, сидела синица, которая в это время года здесь невероятна, — грядет кризис климатологии.

Вот он-то, Крабовский, тронул плечо шофера маршрутного такси и сказал:

— Остановитесь, пожалуйста.

Тот спросил двух других пассажиров:

— Никто больше по нужде не хочет?

— Я в связи с другим обстоятельством, — ответил Крабовский и, выскочив из «Волги», по-заячьи, через кювет, бросился к зарослям кустарника.

— Наверное, сильно прижало, — сказал шофер, закуривая. — Я после курорта всегда страдаю: маджари пью, вкусно, дешево, но кишки, говорят, разлагает.

Крабовский, однако, вина пил мало, кишки у него поэтому не разлагались: просто-напросто он увидел мешок, торчавший из желтого, мокрого снега, а страсть к поиску повелела ему изучить этот странный предмет.

Он опустился на корточки, принялся — запах был сладким, незнакомым; аккуратно потянул за веревку, схватившую мешок странным узлом; истлевшая веревка легко подалась, и Крабовский тонко закричал от ужаса...

РАБОТА-I (Москва)

«Начальнику отдела уголовного розыска МВД СССР полковнику Костенко.

В шести километрах от Магарана, в двадцати метрах от обочины, в кустах стланика обнаружен полуистлевший мешок, в котором находятся части человеческого тела. Дальнейшим осмотром места происшествия, в направлении к городу, в сорока метрах от мешка с туловищем, голова и конечности которого были отчленены, найден сверток из мешковины, в котором оказались ноги и левая рука человека с татуировкой ДСК. Голова не обнаружена. В ходе поисков группой УУГР области найдена полуистлевшая офицерская шинель с погонами капитан-лейтенанта».

Костенко снял трубку телефона и сказал Ниночке из стенографического бюро:

— Хорошая, примите-ка телеграмму в управление кадров министерства обороны. Текст такой: «Прошу сообщить, не пропадали ли без вести офице-

ры флота в звании капитан-лейтенанта или же лица, уволенные по демобилизации в период с сентября прошлого года по май нынешнего». Подпись вполне разборчива. Вопросы есть?

— Нет вопросов, Владислав Николаевич, — ответила Ниночка, — с вами всегда все понятно.

— А у меня есть вопросы, товарищ полковник, — сказал новый заместитель, пришедший к Костенко на смену убитому Садчикову. Звали его Реваз Тадава, майор, молодой еще, тридцать четыре года, недавно защитился в Тбилиси, сразу пошел на повышение: начальник уголовного розыска страны был неравнодушен к молодым сыщикам, отдававшим короткое время отдыха — истинному отдыху, а с его точки зрения таковым являлась наука. «Факт утомляет, — говорил генерал, — в то время как абстракция позволяет мыслить категориями будущего. Нынешняя наука не наука вовсе, если она регистрирует прошлое, а не опрокинута в будущее. Кандидатская диссертация на тему «Практика работы профсоюзной организации города Н. в период с 1967 по 1971 год» не есть диссертация, а, наоборот, нечто приближенное к нормам поведения, попадающим под статьи Уголовного кодекса».

— Какие же у вас ко мне вопросы? — спросил Костенко.

— Почему вы не сообщили про татуировку? ДСК — нитка. Возможно — имя, фамилия.

— А если это инициалы его подруги? Дина Саввична Киснина? Тогда что? Пусть сначала ответят — «да» или «нет», потом, по инициалам пропавших, станет ясно — подходит ли каплей¹ под наши признаки.

¹ Кап лей (сокр.) — капитан-лейтенант.

— Второй вопрос можно?

— Извольте.

...Реваз постоянно чувствовал хорошо скрываемую антипатию шефа, и он был прав. Костенко не мог себя переломить: он привык к Садчикову, ему казалось просто-таки невозможным, что вместо его «деда» работает этот холеный красавец, хотя работает отменно, и жена — как у Садчикова — хирург, но она без ума от своего дипломированного мужа, а Галя своего Садчикова в грош не ставила, оттого-то и погиб старик, было б у него дома хорошо, не шастал бы один в поисках Пименова по лесам Подмосковья, поручил бы молодым ребятам, те стараться рады, романтика и все такое прочее, преступник вооружен, премия будет, а глядишь, и медаль схлопочешь, если все красиво подать в рапорте. Костенко, впрочем, понимал, что отношение его к заместителю неверное, он казнил себя за это: неуправляемость чувств казалась ему самым дурным человеческим качеством, ибо он любил людей и всегда шел к ним с открытым сердцем; иногда Маша говорила ему: «Для тебя плохих людей не существует, разве так можно?» Он сердился, отвечал, что он плохих людей ловит и сажает в тюрьму, а что касается остальных, то лучше ошибиться в человеке потом, чем не верить ему с самого начала. Однако Садчиков постоянно стоял перед глазами, «дед», с которым прошли десять лет жизни, такое не забудешь, и Костенко, злясь на себя, понимая, что ведет он себя неверно, был тем не менее с Ревазом холоден, ироничен и подчеркнута вежлив. А над «дедом» подшучивал, порой зло, простить себе этого не мог... «Нет отчима, и бабка умерла, спешите делать добрые дела».

Садчиков эти строки Яшина любил, он арестованному яблоки давал, печенье. «Слава, — говорил он, отвечая на недоумевающий взгляд Костенко, — ты пойми, всякое добро окупается сторицей. Может, этим яблоком ты в звере человека достанешь, стыд в нем найдешь, так он потом твою дочку в подъезде не зарежет, ей-богу...»

— Второй вопрос сводится к тому, Владислав Николаевич, — продолжал Тадава, — что вы, мне сдается, несколько своенравно определили время исчезновения ДСК. Почему начиная с сентября? В сентябре еще жарко.

— Это на Пицунде в сентябре жарко, — ответил Костенко и покраснел оттого, как нехорошо он ответил, — а в Магаране уже пороша сыпет. — И чтобы как-то смягчить плохой ответ свой, добавил: — Так-то вот, дорогой мой Реваз...

Он видел, что Реваз обижен. Перед Садчиковым бы извинился, сказал: «Не сердись, дед», — а тот бы вздохнул, как конь, и ответил: «Разве на начальников в наше время сердятся?»

Костенко снова снял трубку и попросил стенографистку Нину:

— Красивая, тут мне Реваз Григорьевич хорошо подсказал: добавь в телефонограмме после слов «офицеры флота» — «в Магаране или на всем Дальнем Востоке». Ладно?

— За что вы меня так не любите? — пожал плечами Тадава. — Право, понять не могу.

— Не сердитесь, Реваз, — ответил Костенко. — Просто я очень помню Садчикова. Это в традиции у русских — до конца любить того, кто был рядом с тобою. У нас коли уж любят — до конца.

— Во-первых, вы не русский, — мягко улыбнулся Тадава, — а украинец, а во-вторых, мы, грузины, отличаемся точно таким же качеством. И, наконец, в-третьих, пожалуйста, поскорее ко мне привыкайте, а?

— Я постараюсь, — пообещал Костенко. — А вы запросите службу: кто — по месяцам — обращался к нам в связи с пропажей родственников?

Офицеры флота не пропадали, демобилизованные тоже. Человек с инициалами «ДСК» никем в стране не разыскивался.

И Костенко вылетел в Магаран.

РЕТРОСПЕКТИВА-I

«237/3

Сов. секретно.

Только для Верховного командования.

2 экз.

Фельдмаршалу Кейтелю.

Записка

В связи с завершением в Праге работы созданного с согласия рейхсфюрера СС «Комитета освобождения народов России» возник вопрос о срочном довооружении отрядов генерала Власова и придания их войскам СС для введения в борьбу против русских на Восточном фронте.

Однако рейхсфюрер высказался в том смысле, что борьба цвета германской нации — людей СС — совместно со славянами может породить такие инциденты, которые были бы крайне нежела-

тельны во фронтовой обстановке. Войска РОА, мусульманские подразделения, принявшие программу, подготовленную в Берлине и провозглашаемую А. А. Власовым, а также украинские части, доказавшие свою искренность в карательных операциях против большевиков, целесообразно придать соединениям вермахта, проработав этот вопрос с руководителями фронтовой разведки, подключив к изучению проблемы как офицеров «1-А», так и «1-С»¹.

Рейхсфюрер СС ожидает ответа ОКХ² в течение ближайшей недели.

Хайль Гитлер!

Карл Вольф, СС обергруппенфюрер».

«Строго секретно!

СС обергруппенфюреру Вольфу.

452—17/44

Экз. № 2.

Обергруппенфюрер!

Поскольку проект ответа фюреру поручен фельдмаршалом начальнику разведотдела «Армии Востока» генералу Гелену, его соображения сводятся — в порядке предварительных прикидок — к следующему:

а) войска РОА, украинские части Мельника и мусульманские подразделения, объявившие священную войну «мусават» идеологии коммунизма, должны быть укомплектованы не только агентурой гестапо, но и подчиняться СС;

¹ «1-А» и «1-С» — подразделения армейской разведки.

² ОКХ — Генеральный штаб вермахта.

б) в свое время генерал Гелен передал в СД формуляры на 3000 завербованных им агентов из числа власовцев в мельниковцев — для проверки и перепроверки. Именно эти люди — помимо сотрудников СД — были бы вполне верными информаторами в частях Власова, Мельника и Ходаяра, и всякая попытка неискренности со стороны тех, кто вступил в движение не по собственной воле, но желая избежать тягот в лагерях военнопленных, была бы мгновенно зафиксирована осведомителями;

в) в управлении криминальной полиции РСХА есть картотека на 948 сторонников Власова, которые были арестованы крипо¹ за уголовно наказуемые деяния — драки, пьянство, мелкое воровство.

Генерал Гелен полагает, что эти лица, осужденные к заключению в лагерях на срок от года до трех лет, могли бы пополнить отряд осведомителей, поскольку именно они зарекомендовали себя людьми, преданными идеям фюрера, выполняли задания сотрудников генерала Гелена и попали в тюрьму не злонамеренно, а по свойству славянского характера — чрезмерное употребление алкоголя и потеря — после этого — здравого смысла. Сотрудники генерала могли бы дать исчерпывающие характеристики этим людям, если управление криминальной полиции РСХА сочтет возможным прислать формуляры — с фотографиями и дактилоскопическими таблицами — это значительно ускорит подготовительную работу аппарата генерала Гелена.

Хайль Гитлер!

Дитер Зепп, СС штандартенфюрер».

¹ Крипо — уголовная полиция в нацистской Германии.

РАБОТА-II (Магаран)

1

Резкий звонок разбудил Костенко уже под утро. Мест в гостинице не было, и он остался ночевать в кабинете начальника угрозыска Магарана. В окнах еще было сумрачно, тяжелый серый туман поднимался от реки, клубился он так, словно кто-то невидимый разгонял его веслом.

«Почему именно веслом? — подумал Костенко. — Наверное, зорьку, особенно такую туманную, я всегда воспринимаю через безногого егеря Анатолия Ивановича с Мещеры, через тишину озера и весло в его сильных руках...»

— Алло, товарищ полковник, добрый вечер, это Тадава тревожит.

— Это вам добрый вечер, а здесь уже рассвет.

— Ну?! У нас темень, дождище зарядил, что твоя осень... Так вот, Владислав Николаевич, хотя из флотских никто не пропадал, но в этом году скончались два офицера: Дашков Семен Карпович и Данилевский Сергей Константинович.

— Звания у них какие были?

— Один капитан первого ранга, а второй кавторанг.

— Где служили?

— На Дальнем Востоке ни разу не были.

— Сыновья у них есть?

— Этим я тоже поинтересовался. Один холостяк, у двоюродной сестры есть племянник, работает в Софии, от автозавода. У второго два племянника и четверо племянниц, дочь и приемный сын. Приемный сын в настоящее время отдыхает

в санатории Академии наук под Москвой. Доктор наук.

— Спасибо, — буркнул Костенко, — привет всем нашим.

— А как у вас дела? Ничего пока не проясняется?

— Дела — мрак и туман. Плохи дела. Совсем плохи, — и, положив трубку, Костенко заново пролистал «План мероприятий».

План этот был составлен вчера, сразу после прилета. Костенко рассчитывал получить первые новости дня через два. Он ошибся. Первая новость пришла сразу же после разговора с Тадавой.

«Р а п о р т.

Мною, участковым инспектором младшим лейтенантом милиции Горошкиным В. Д., проведены беседы с лицами, проживающими в непосредственной близости (радиус десять километров) от места обнаружения расчлененного трупа. Большинство опрошенных никакой информации, относящейся к интересующему нас делу, не дали. Однако Александров Матвей Прохорович сказал, что осенью, вернее, зимой, но еще до метелей, к его соседям Загибаловым приходил незнакомый мужчина в состоянии опьянения и с двумя чемоданами. Однако потом он больше не появлялся, а Загибалов жену из дома прогнал на целый день, а после этого напился пьян и, буянив, пел нецензурные песни».

«Полковнику Костенко.

На Ваш запрос сообщаю, что Загибалов Григорий Дмитриевич, 1935 года рождения, уроженец села Знаменка, Никольского района, об-